

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА К.Л. ХЕТАГУРОВА В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ (на материале перевода рассказа «Охота за турами»)

Е. Б. ДЗАПАРОВА

Художественное наследие основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова привлекало и будет привлекать научных исследователей. Трудно назвать другого осетинского писателя, чье творчество так волновало бы литературоведов, лингвистов, этнографов и т.п. Объектом всестороннего изучения ученых становились и переводные произведения К.Л. Хетагурова. Но, к сожалению, исследования художественных переводов не выходили за рамки поэзии. Наше обращение к анализу переводов прозы Хетагурова объясняется недостаточной разработанностью данной проблемы в осетинском литературоведении.

Прозаические произведения К.Л. Хетагурова активно переводились на языки народов мира: японский, грузинский, кабардинский, карачаевский, абхазский и др. Известны переводы этнографического очерка «Особа» («Быт горных осетин»¹) на японский [1], грузинский [2] языки, а также переводы самого известного рассказа К.Л. Хетагурова «Охота за турами» на грузинский [3; 4; 5; 6], эстонский [7], украинский [8], карачаевский [9].

Не обошли вниманием прозу Хетагурова и осетинские переводчики. И «Особа», и «Охота за турами», будучи

написанными на русском языке, увидели свет на родном для писателя языке – осетинском: этнографический очерк переводился Г. Джатиевым [10] и Н. Доевым [11], а небольшой рассказ «Охота за турами» – А. Тотиевым и М. Дзасоховым. Ш.Ф. Джикаев указывает, что впервые на осетинском языке рассказ Коста Хетагурова «Охота за турами» вышел в переводе Амырана Тотиева в альманахе «Малусæг» за 1922 г. [12, 34], однако существует и более ранний идентичный перевод этого рассказа, опубликованный в газете «Кермен» в 1920 г. Автором перевода указан Амырхан и заголовок рассказа другой – «Хæххон цард» («Горская жизнь») [13]. Но пословное сличение двух текстов убеждает нас в том, что перед нами один и тот же вариант.

Перевод А. Тотиева переиздавался и позднее, но с различными изменениями (см.: [14; 15; 16; 17; 18]): сам текст перевода был сокращен, а в некоторых публикациях не указан его автор. В учебниках по осетинской литературе рассказ Хетагурова «Охота за турами» в переводе А. Тотиева дается тоже в сокращенном варианте [19; 20]: в нем отсутствуют некоторые эпизоды – например, сцена с чабуром (обувью) Симона, диалог Тедо и его жены Залины перед охотой.

Перевод рассказа Музафера Дзасохова также переиздавался неоднократно

¹ «Быт горных осетин» – название этнографического очерка К.Л. Хетагурова «Особа», переизданного в Южной Осетии в 1939 г.

но. Очередное издание с красочными иллюстрациями Батраза Дзиуаты вышло в 2003 г. [21]. Переводчик воспроизвел на осетинском языке все сюжетные линии, сохранил форму исходного текста. О преимуществах этого издания говорит и тот факт, что перевод М. Дзасохова дается параллельно с оригиналом. Но, чтобы говорить об адекватной передаче переводчиками всех компонентов подлинника, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ оригинала с его вариантами на осетинском языке. Материалом для исследования послужили оригинал, полный [22] и сокращенный варианты перевода А. Тотиева, осетиноязычный текст М. Дзасохова.

К.Л. Хетагуров – яркий пример писателя-билингва. Ему одинаково успешно удавались художественные образы как на осетинском, так и на русском языках. В последнее время осетинское литературоведение обогатилось рядом работ, в которых анализируется русскоязычное наследие осетинского писателя (см: [23; 24]). Но, к сожалению, в данных работах не затрагиваются проблемы перевода произведений Хетагурова.

Время создания рассказа «Охота за турами», по-видимому, относится к периоду ссылки писателя в Карачаево-Черкесию. Впервые рассказ был опубликован в Петербурге в 1893 г. в третьем номере журнала «Детское чтение» (С. 243-254) [25, 298]. Сюжет самого рассказа несложен, и описываемые события относятся, по мнению И.С. Хугаева – исследователя русскоязычного творчества К.Л. Хетагурова, – к допросветительской и дороссийской эпохе [23, 394]. На примере одной осетинской семьи автор сумел показать нелегкую жизнь горцев. Действительность, описанная Хетагуровым, была сурова, и го-

рец, чтобы прокормить семью, рисковал своей жизнью.

Перед тем как перейти к сравнению исходного текста с выходными, необходимо сказать о переводах заголовка рассказа. У А. Тотиева название рассказа «Дзæбидырдуаны» (букв. «На охоте за турами»), на наш взгляд, не соответствует замыслу Хетагурова, в переводе же М. Дзасохова заголовок аналогичен авторскому названию «Охота за турами» – «Дзæбидырдуан».

Рассказ начинается с описания места действия. Перед нами осетинский аул Зебат. С удивительной реалистичностью автор изображает окрестности аула, пейзаж горного ущелья, однообразный быт зебатовцев, главным занятием которых за неимением пахотной земли была охота. Усугубляла и без того незавидное положение горца окружающая его суровая природа: кругом одни скалы, ни одного кусточка, ни одного деревца. Детально описывает автор осенний пейзаж: *«Осенью окрестности аула принимают еще более печальный вид. Тощая трава желтеет, серые тучи спускаются до самого аула; из ледников дует холодный ветер. Начинаются дожди, изморозь, снег...»* [26, 217].

Судя по текстам переводов, особых трудностей этот несложный абзац не вызвал ни у одного из переводчиков. Интерпретация А. Тотиева представлена таким образом: *«Фæззæг хъæуы алфамблай вæййы æнкъарддзастдæр. Æнæуд кæрдæг фæлурс кæнын байдайы. Цъæх мигъ æрхæццæ вæййы хъæума, цъититæй рауæфы уазал дымгæ, райдайы къæвдайæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр...»* [22, 57]. Вот как передает информацию исходного текста Дзасохов: *«Фæззыгон хъæуы алыварс вæййы уæлдай æнкъарддæр. Дæлæмæдзыд кæрдæг сбур вæййы. Фæныкхуыз мигътæ хъæуыл*

æрæнцыйыны; цытитæй фæдымы узал дымгæ. Сæлфынаг сагъуыцы, халас нъæззыйау ныббады, мит уарын райдайы» [21, 5]. Как видим, каждый из переводчиков в переводящем языке находит свои эквиваленты. Обратим внимание на перевод в этом отрывке слова «тощая» («фæлахс», «мæгуыр») в контексте «тощая трава желтеет». Автор рассказа не случайно употребил именно его. Как представляется, выбором этого слова Хетагуров еще раз хотел подчеркнуть неимоверную бедность и беспросветность существования жителей осетинского аула Зебат. В переводе Тотиева «тощая трава» стала «æнæуд кæрдæг» – ом – «безжизненной травой». Эквивалент эпитету оригинала Тотиевым подобран удачно и передает общую удручающую обстановку в ауле. Осетинский аналог «тощей травы» у Дзасохова – «дæлæмæдзыд кæрдæг» («низкорослая трава»). Использование в тексте подобного эквивалента допустимо, но при этом, как представляется, отрывок потерял заложенный в нем автором смысл. Некоторые несоответствия перевода Дзасохова оригиналу обнаруживаются и в последнем предложении абзаца: вместо исходного «начинаются дожди, изморозь, снег...» мы видим генерализацию в переводе «сæлфынаг сагъуыцы, халас нъæззыйау ныббады, мит уарын райдайы» (букв. «изморозь не перестает, иней кошмарно оседает, снег начинает идти»).

В своем рассказе Хетагуров описывает редкие для этого времени года солнечные дни. Изображенный автором пейзаж реалистичен и оживлен: «Впрочем, в конце сентября выпадают иногда ясные солнечные дни с холодным утром и с теплым великолепным вечером. Лучи заходящего солнца позлащают причудливые вершины гор. Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой,

как заколдованные замки, встают зубчатые скалы. Далеко в глубине рокошет неугомонный поток, и только он, переливаясь на тысячи ладов, нарушает мертвую тишину безмолвных утесов» [26, 217-218].

Для передачи содержания этого отрывка переводчикам необходимо было сохранить не только денотативный компонент подлинника, но и найти в переводящем языке адекватные средства отражения олицетворений, метафор, эпитетов. В связи с этим необходимо сопоставить переводы Тотиева и Дзасохова с подлинником. Перевод Тотиева: «Фæлæ ма найгæнæн мæйы фæстæ искуы стæм хатт фæзыныны райдзаст хур бонтæ, узал райсом æмæ диссаджы хъарм изæртимæ. Ныгуылгæйæ хуры тынтæ сыгъæрин арт суадзыны рагсугд хæхты сæрты. Æгас комы æрæмбæрзы рухсдзыд цъæх мигъ цагъд къуымбилау æмæ дзы фæзыныны цыргътигъджын хæхтæ. Бæстæ ныссабыр вæйы. Дард ран кæмдæр хъæр кæны æрмæст комы дон, æнæ банцайгæйæ уасы алы хъæлæсæй æмæ хъал кæны къæдзæх айнаг бæстæ йæ мæрдфынагæй» [22, 57]. Читаем у Дзасохова: «Уæвгæ ма нырхæны мæйы кæрон иуæй-иу хатт скæны хурбонтæ. Ахæм рæстæг райсомæй узал вæйы, изæрæй та æмбисонды хъарм. Хуры фæстаг тынтæй хæхты цъуппытæ зæрин дон тылдау сæрттивыны. Æнæхъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныны. Комы дæлиауæй фæхъуысы гуылфæны æнæрæнцой гуыр-гуыр æмæ æрмæстдæр донны минмырон хъæлæс фæхалы æгомьыг къæдзæхты мæрдон æнцойдзинад» [21, 5-6].

Как видно, в целом оба переводчика сохранили основные компоненты в содержании подлинника. Сразу же

обращает на себя внимание передача на осетинский язык названия месяца «сентябрь». Каждый из переводчиков подошел к этому по-своему: у Тотиева «сентябрь» – «найгаенан май», а у Дзасохова – «нырханы май», но оба перевода близки к подлиннику. В.И. Абаев в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» дает такое определение: «*рихæп* – д. название месяца, соответствующего примерно сентябрю; *рихæпæ тæгæ* – «месяц сентябрь»; и. *пурхæпæ тæгæ*» [27, 435]. В переводе Тотиева «найгаенан май» буквально означает «месяц молотбы», который приходился приблизительно на сентябрь.

В приведенном абзаце встречается немало изобразительно-выразительных средств языка: тут и олицетворения, и эпитеты, и метафоры, и сравнения. Для их адекватной передачи каждому переводчику недостаточно просто знать язык перевода, он должен думать также о коннотативной окрашенности и эстетической стороне переводимого текста. В данном случае образные средства языка и Тотиевым, и Дзасоховым не игнорированы: по мере возможности они сохраняют их в переводном тексте, и поэтизация картин пейзажа завораживает осетиноязычного читателя.

Довольно сложным для перевода оказался сравнительный оборот в предложении: «*Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы*». Тотиев внес свои краски, используя привычные для осетиноязычного реципиента сравнения: «*Æгас комы æрæмбæрзы рухсдзыд цъæх мигъ цагъд къуымбилау æмæ дзы фæзыныны цыргътигъджы хæхта*». Иначе звучит интерпретация Дзасохова: «*Æнахъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты*

цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныны». Как видим, Дзасохов более ответственно подошел к передаче образных средств переводимого языка. Не найдя в осетинском языке эквивалент слову «заколдованный», он подобрал вполне подходящий аналог – «*аргъæутты гæнæхтау*» (букв. «как сказочные замки»).

На некоторые погрешности в переведенном Тотиевым отрывке указывает А. Тлаттаты: «Радзырды дыккаг абзацы *хосгæрсты зæххы* бæсты растдæр уайд *уыгæрдæнтæ*; æртыккаг абзацы *конопаты* тæлмацы у *фыдуынд* (хъуамæ уа *дзыгъуыр*); *хохлаты* та иронмæ раивтой *лæгуын*, уæвгæ та у *къоппаджын*. Цыппæрæм абзацы тæлмацы ис ахæм хъуагдзинæдтæ: „...кæрдæг фæлурс кæнын байдайы, растдæр у *фæбур вæййы*“; «цъæх мигъ *æрхæциæ вæййы* хъæумæ», иронау фæзæгъынц: *ныббды* хъæуыл; „...райдайынц къæвдатæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр“, иронау раст уайд афтæ: „...райдайынц къæвдатæ, халас æрæвæры, мит рауары“; „...стæм хатт *фæзыныны райдзаст хур бонтæ*...“ растдæр у: „*фæкæны хур бонтæ*...“» [28, 128]. Однако, на наш взгляд, замеченные А. Тлаттаты ошибки в переводе некоторых слов указанного отрывка не столь существенны. Можно лишь согласиться с не вполне верной передачей на осетинский язык прилагательных «*хохлаты*», «*конопаты*» в контексте «*домашнюю птицу всего аула составляли хохлаты петух и две-три конопатые курочки*»: «*лæгуын*» и «*фыдуынд*». Проследим за передачей указанных прилагательных М. Дзасоховым: «*хохлаты*» – «*гомхъуыр*», «*конопаты*» – «*гæмхетт*» (буквальный перевод – «невидный», «невзрачный»). Как видим, неточностей в передаче слов оригинала не избежал и второй переводчик.

Далее К.Л. Хетагуров переносит читателя в саклю главного героя Тедо. Отец Зураб, жена Залина и мальчишка-младенец – вот все члены семьи Тедо. В этнографическом плане картина быта осетинской семьи, созданная писателем, реалистична. Здесь показан внутрисемейный этикет осетин. Рассмотрим перевод этого фрагмента на осетинский язык с точки зрения адекватности. В некоторых местах переводы противоречат оригиналу. Так, описывая внешность Симона (друга и соседа Тедо), К.Л. Хетагуров указывает: «...в низких дверях показался коренастый мужчина». В осетинском переводе А. Тотиева эта часть текста тоже представлена одним предложением, но здесь, на наш взгляд, имеются некоторые отступления от оригинала. Переводчик не ограничивается одним авторским определением «коренастый» и вносит дополнительно – «базархыг, фидарарагът лаг» (т.е. «коренастый, плотный мужчина»). Хетагуров описывает одежду Симона – «в серой черкеске и холстяной шляпе». И вновь переводчик добавляет собственное определение: «заеронд цъах цухъхъа амæ нымæтхуд йæ уæла».

Хетагуров останавливает внимание читателя на обустройстве жилища героя рассказа, еще раз подчеркивая бедность семьи Тедо: небольшая дыра вместо окна, земляной пол. В этой части текста у Тотиева нет расхождений с оригиналом, не считая антонимического перевода в контексте «небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно» – «царæндонь цагатварсырдыгай цары уыдис рудзынджы бæсты чысыл хуынкъ». Нетрудно заметить, что «южная» стена в переводе стала «северной». Удачным, на наш взгляд, является перевод «лепешек из темного теста» на осетинский язык

как «луаситæ» (с осет. «луаситæ» – «лаваш», «тонкая лепешка»).

Рассмотрим интерпретацию анализируемого отрывка М. Дзасоховым. Переводчик не стал вносить изменения в текст, дополняя его деталями или опуская их. Подобные изменения можно видеть в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. Вся сюжетная структура фрагмента исходного текста отражена М. Дзасоховым. В отличие от Тотиева, Дзасохов старался не изменять и смысл некоторых лексем. Однако более удачным, на наш взгляд, является перевод слова «лепешки», предложенный А. Тотиевым. Заменой «лепешек» в осетинском тексте на «кардзынта» (букв. «кардзын» с осетинского «чурек», «хлеб») переводчик Дзасохов передал лишь общее понятийное значение слова.

У Дзасохова в этой части текста ярко представлены фразеологизмы. Для адекватной передачи смысла слов подлинника переводчик использует в тексте фразеологизмы с ярко выраженной национальной спецификой. Перейдем к конкретным примерам: «нет нигде» – «заеххы скъуыды ныххайд» (букв. «провалился сквозь землю»), «сестру оттаскал» – «ма хойыл ма маст акалдтон» (букв. «на сестру излил зло»).

В рассказе «Охота за турами» Хетагуров рисует семейную идиллию: приготовление Залиной ужина, игра старика с младенцем, ужин семьи, сбор Тедо на охоту. Автор останавливает внимание читателя на некоторых этнографических деталях: описывает семейный ужин, показывает взаимоотношения невестки со свекром. И эта часть текста не вызвала затруднений при переводе. Обычай избегания невесткой свекра описан в оригинале довольно расплывчато. Такую же позицию выбрали и переводчики, не останавливаясь на

подробном объяснении читателю сути этого обычая.

Драматизм рассказа Хетагурова связан с походом Тедо за турами. Единственная возможность прокормить свою семью оказалась для героя роковой. О том, что поход Тедо закончится трагически, подсказывают читателю дурные предчувствия жены Залины, ее предостережения, рассказ отца Зураба о едва не случившемся с ним во время очередной охоты в бытность молодым несчастье. Ощущение тревоги в данном рассказе, по мнению И. С. Хугаева, усиливается еще и беззаботным и счастливым смехом ребенка [23, 396]. Не случайно и домов в ауле Зебат тринадцать. Определенное беспокойство внушает читателю и описание автором Мышиной тропы, по поводу чего И. С. Хугаев отмечает: «Вообще нечто коварное и роковое чудится слуху в названии «Мышиная тропа», а ее развитие через образы последовательно змеи – *ящерицы* – *паутины* впечатляет необратимостью и невозвратностью» [23, 396-397].

М. Дзасохов в своем переводе останавливается на подробном описании сбора Тедо на охоту. В отрывке адекватно переданы переживания Залины, напутствия отца Зураба сыну, шутки Тедо над страхами Залины. Ничего подобного нет в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. По непонятным причинам в следующих после 1922 года публикациях перевода Тотиева опускается внушительный абзац: из текста исключено авторское описание тревог Залины, подчеркиваемых беззаботным смехом ребенка, отсутствуют заветы Тедо своему маленькому сынишке прокормить и похоронить маму в случае несчастья с ним. Между тем и без того небольшой объем русскоязычного текста не позволяет его сокращать. В полном же варианте перевода Тотиева ука-

занный абзац присутствует, но в нем можно обнаружить незначительные расхождения в значениях некоторых слов. Так, в оригинале автор, описывая переживания Залины по поводу похода ее мужа Тедо, пишет: «*Крупная слеза быстро сбежала по ее смуглой щеке и упала в похлебку*». Переводчик Тотиев не стал искать прямой эквивалент слову «смуглая» («саулагъз»), а передает смысл своим прилагательным – «сырх»: «*Ставд цаестысыг аруади йа тымбыл сырх уадултыл ама ныххауди хъармхуытты*». Дзасохов и вовсе отказался от передачи этого слова: «*Йа русыл лидзагау аertyлд ставд цаессыг ама хъармхуытты ныххауд*».

В случае перевода на осетинский язык русского текста «*Ха-ха-ха! Глупая! Чего ты боишься?*» А. Тотиев, на наш взгляд, заметно переусердствовал при передаче лексемы «глупая». У него указанный отрывок оригинала звучит так: «*Га-а-а, гуымиры, адылы сархъаен? Цамай тарсыс?*» Обращает на себя внимание общее повышение тональности путем замены слова «глупая» эмоционально окрашенными словами осетинского языка «*гуымиры, адылы сархъаен*».

Каждый из переводчиков по-своему справился с переводом следующего предложения оригинала: «*Ты, кажется, опять вспомнила свою бабушку – чего нос повесила?*» Обоих переводчиков привел в тупик перевод на осетинский язык слова «бабушка». Так как автор рассказа не стал уточнять, с чьей стороны (отца или матери) приходилась она бабушкой Залине, Дзасохов конкретизирует – «*фыды мад*». В переводе Тотиева мы и вовсе не увидим «бабушку», он передает это слово иначе – «*афсин*» («свекровь»). Встречающийся в этом предложении фразеологизм «*нос повесить*» (в значении «огорчиться») пере-

дан и Тотиевым, и Дзасоховым адекватно – «фындз æруадзын».

Ответственно подошли Тотиев и Дзасохов к передаче на осетинский язык пословицы: «Бог не выдаст, медведь не съест» [26, 221]. Не найдя точного эквивалента данной паремии в переводящем языке, Дзасохов находит замену по смыслу – «Хуыцауы хорзæхæй хайджын куы уон, уæд мын ницы тас у» [21, 16]. Аналог этой поговорки в тексте А. Тотиева выглядит так: «Уастырджийы куы на фæнда, уæд магныл фыдбылыз не 'рцаудзæн» [22, 60].

Дальнейший сюжет рассказа связан исключительно с главным героем: Тедо идет с друзьями на охоту, Тедо на Мышиной тропе, Тедо с друзьями перебирается через пропасть, ночлег охотников. В каждом из двух переводов рассказа можно найти адекватное отражение перечисленных эпизодов оригинала. Интересен, на наш взгляд, перевод описания Мышиной тропы в текстах Тотиева и Дзасохова. Для сравнения приведем отрывок в трех вариантах.

Оригинал: «Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ночного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей» [26, 222]. Такая детализация в описании Мышиной тропы подчеркивает остроту описываемого момента.

Перевод Тотиева: «Мыствæндаг уыд тынг æвзæр, уæлдайдæр тæссаг уыд æхсæвыгон цауынаг. Куы калмау къæдзтагæнга цауы къæдзæхты зыхъыртты, куы цахгæр къуласинтыл схизы айнагыл, куы та гæккуырийау быры фидар айнаджы æнцъылдты,

куы хæлуарæджы тынау æрзилы тыхсæгау тæккæ къæдзæхы рындзмæ, сæрсæфæны сæрма, куы та бынтондæр фесæфы хæлд къæдзæхы æмæ стыр змæст цæнддурты æхсæн» [22, 61].

А вот как выглядит перевод этого отрывка Дзасоховым: «Мыствæндагыл цауын æнауи дæр тæссаг уыд, уæлдайдæр та æхсæвыгон. Куы калмау скъуыды абыры, куы æмуырдыг фæхсыл суайы, куы гæккуырийау æнавнæлд айнаджы æнхъырдты алаесы, куы хæлуарæджы рог тынау æнабын дæлджинаджы алывæрсты æрзилы, куы та къæдзæхты рæдзæгъдта æмæ дуры цæндты æхсæн бынтон æрбайсæфы» [21, 18].

Как можно убедиться на приведенных примерах, детальное описание Мышиной тропы дается и в переводах. Сравнения Мышиной тропы со змеей, ящерицей, паутиной не опущены ни в одном из вариантов перевода.

Мы подошли к самой драматической части рассказа. Исход охоты Тедо за турами, как и предполагал читатель, был трагичен. То ли жадность героя (убить одним выстрелом сразу двух туров), то ли нужда заставили его спуститься на нижнюю, более опасную, тропу. Выстрел Тедо поразил двух туров, но и повлек за собой камнепад, навсегда похоронивший охотника под скальными обломками. Дальнейшую судьбу семьи Тедо автор нам не показывает, но она очевидна. Что ждет их без кормильца? Нищета, голод...

Говоря об осетинском переводе этого отрывка, сделанного Тотиевым, нужно подчеркнуть одну деталь. У переводчика здесь начинается вторая часть рассказа (в переводе Тотиева произведение разделено на две части), к которой, в отличие от оригинала, предпослан эпиграф: «Цуанон лæг мæрдтам/Хæстæгдæр цæры,/Йæ мард

та уалмæрдтæм/Нæ хæцца кæны». Строки, взятые переводчиком из поэмы К.Л. Хетагурова «Чи дæ?», раскрывают основную идею произведения.

Каждый из переводчиков стремился следовать сюжетной канве подлинника. В переводах, как и в оригинале, мы видим ту же энергичность, резвость и быстроту в действиях главного героя. Читаем у Дзасохова – «хæрдмæ рæвдз хылди», «Тедо гæдыйау хылд къæдзæхыл», «Тедо ныры хуызæн ныфсджын æмæ цардæг нукуыма уыд» и т.д. Действия Тедо в интерпретации Тотиева описаны аналогично.

В рассматриваемой части рассказа Хетагуровым красочно описан горный пейзаж: «Лучи восходящего солнца облили ярким румянцем снежную вершину Казбека. Горы стали выползать из утреннего тумана. Вдали чернело Дарьяльское ущелье». В осетинских переводах Тотиев и Дзасохов не избегали образительно-выразительных средств языка и старались сохранить стиль автора. Прежде всего бросаются в глаза удивительная точность и поэтичность описанного Хетагуровым пейзажа. Читаем этот отрывок в переводе Тотиева: «Сæумаæрайсом хуры тынтæ сæнтсырх арт суагътой Сæнайы мигъджын хохы цъуппыл. Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынай. Дæлиауæй сау дардта Дайраны ком» [22, 63].

А вот что мы видим в переводе этого отрывка у Дзасохова: «Сæууон хуры тынтæ Хъазыбеджы хохы цъуппыл æрттивгæ цахæр фестадысты. Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты. Дардæй Дайраны ком тар дардта» [21, 26]. Но если подчеркивать адекватную передачу денотативного содержания и коннотативной окрашенности отрывка в переводах, то, на наш взгляд, первый вариант намного ближе оригиналу. Тотиев старался перевести каждую деталь

подлинника. Поэтому в его переводе отражены хетагуровские краски: «яркий румянец» – «сæнтсырх арт», «снежная вершина» – «мигъджын хохы цъупп» (адекват. «митджын цъупп»). У Дзасохова мы не увидим столь детального отражения образной системы оригинала. Куда-то исчезли и «яркий румянец снежных вершин», и «снежные вершины Казбека». Но отсутствие отдельных элементов в перечисленных образах не искажает смысл всего отрывка. В следующем предложении – «Горы стали выползать из утреннего тумана» – автор использует олицетворение. Попытка адекватно перевести данное образное выражение лучше удалась Тотиеву – «Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынай» (букв. «Горы, выползая наверх, виднелись из-под утреннего тумана»). В переводе Тотиева обращает на себя внимание строгое следование оригиналу. Перевод олицетворения у Дзасохова выглядит так: «Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты» (букв. «Из-за утреннего тумана показали горы»). По-разному звучит в осетинских текстах перевод названия горы Казбек: у Тотиева – «Сæнайы хох», у Дзасохова – «Хъазыбеджы хох». Оба перевода допустимы и используются в лексиконе осетин.

Удивительно по красоте описание Хетагуровым беззаботной игры туров, не подозревающих о приближающей опасности со стороны охотника Тедо: «Приподнявшись на задние ноги, тур ринулся вниз головой на другого, стоявшего гораздо ниже его на самом краю обрыва. Раздался треск столкнувшихся рогов. Нижний тур блистательно выдержал удар. Противники обменялись местами. Такой же отчаянный прыжок, страшный треск и необыкновенно блистательный отпор. Обменялись опять...» [26, 226]. Картина, созданная

писателем, реалистична. Очевидно, Коста не единожды мог наблюдать ее в родном ауле Нар. Приведем данный текст в осетинских вариантах. У Тотиева: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл слæууыд, йæ сæрбынмæ, афтæмæй йæхи раппæрста дæлиау иннæмæ, тæккæ лæбырдты сæр чи лæууыд, уымæ. Дардмæ фехъуыст сæ сыкъаты къæрици. Дæллаг дзæбидыр тынг хъазуатæй баурæдта уæлладжы цæф. Аивтой знæгтæ сæ бынæттæ. Ноджы та иу ахæм маесты гæпп, диссаджы сыкъаты къæрици æмæ та хъæбæр урæд уæлладжы цæф. Æмæ та аивтой сæ бынæттæ» [22, 64]. Безусловно, отрывок оригинала переведен удачно, но смысл некоторых слов, как представляется, истолкован неверно. Так, «блистательно» переведено Тотиевым как «хъазуатæй» («смело», «отважно»), хотя, пожалуй, более подходящим осетинским аналогом этому слову будет «иттæг хорз», «диссаджы хорз»; «отчаянный прыжок» («удуæлдай, сæруæлдай гæпп») передан как «маесты гæпп» («злостный прыжок»). Но небольшие расхождения перевода с подлинником все-таки не создают впечатления, что это два разных отрывка. Игра туров оригинала вполне узнаваема в переводе А. Тотиева.

Неоспорим тот факт, что в процессе своей работы переводчики должны думать о языке автора переводимого произведения. В качестве положительного примера в этом отношении может послужить перевод вышеуказанного отрывка Дзасоховым: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл слæууыд æмæ йæ сæрбынмæ, афтæмæй йæхи рауагъта, дзæвгар дæлдæр сæрсæфæны тæккæ былл цы дзæбидыр лæууыд, ууыл. Райхъуыст сыкъаты дзæхст. Дæллаг дзæбидыр диссаджы хорз бæфæрæзта уыцы цæфæн. Дзæбидыртæ сæ бынæттæ аивтой. Ногæй та удуæлдай сæррæтт,

сыкъаты æбуалгъ дзæхст æмæ хъæддых ныхкъуырды. Сæ бынæттæ та аивтой» [21, 29]. В данном случае Дзасохов постарался передать не только смысл целого абзаца, но главное – язык переводчика совпал с языком автора. При равноценности смысла второй перевод вышеуказанного отрывка нам кажется ближе к оригиналу.

Сжато, лаконично, без лишних деталей Коста описывает последние минуты своего героя: «Завал прошел. Где-то в глубине теснины замерло последнее эхо... Пыль осела. От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто... уничтожено...» [26, 226].

Финал рассказа незавершен. Автор на полуслове оставляет судьбу своих героев – семьи Тедо. На незавершенность рассказа Хетагурова указывает и И. С. Хугаев: «Охота за турами» оставляет желать более точного и исчерпывающего завершения, нежели то, каким обладает. Финал смазан: финал тоже словно стерт и уничтожен камнепадом; повествование обрывается если не внезапно, то слишком поспешно...» [23, 397].

Интересующий нас фрагмент текста очень сложен по заключенным в нем авторским интенциям. При его переводе А. Тотиев и М. Дзасохов должны были учитывать лаконичность и трагическую тональность переводимого отрывка, с чем, на наш взгляд, оба они вполне справились. В переводе Тотиева этот абзац выглядит так: «Зæй цыд фæцис. Кæмдæр комы нарæджы æрсабыр йæ фæстаг хъæр... Рыг æрбадт... Хохы рындзæн – Тедойы хъавæн бынатæн – йæ фæд дæр нал баззад... Æгасæй йæ бындзарæй ныххафта. Бынтондæр фесæфт» [22, 65]. Ответственно подошел к переводу финала рассказа и Дзасохов: «Дурты зæй бан-

цад... Йæ фæстаг уынæр кæмдæр комы арфы æрмынæг... Рыг æрбадт. Тедо цы рындзыл лæууыд, уымæн йæ фæд дæр нал аздад. Бынхафт, бынсæфт æй ныккодта» [21, 30].

Как нетрудно заметить, каждый из переводчиков нашел свои эквиваленты словам исходного языка. Но, несмотря на это, оба перевода оказались адекватными. Переводчикам удалось передать трагическую тональность и лаконичность исходного текста.

Таким образом, к переводу рассказа «Охота за турами» переводчики А. Тотиев и М. Дзасохов подошли творчески. Переводить произведение осно-

воположника осетинской литературы не только ответственно, но и сложно. Сложность, прежде всего, заключалась в передаче на осетинский язык денотативного и коннотативного значения слов исходного текста, авторского стиля, языка оригинала. Каждый из переводчиков, несомненно, обладал своим видением образных средств языка, своим чутьем языка оригинала. Это дало им возможность в основном адекватно воспроизвести содержание и образную структуру исходного текста, передать все интенции автора.

1. Хетагуров К.Л. Особа/Пер. на япон. яз. Като Кюдзо. Ученые записки государственного музея этнографии народов мира в Японии. 1977. №2. С. 828-873 // НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. 1. Д. 399.
2. Хетагуров К.Л. Быт горных осетин/Пер. на груз. яз. И. Зурабишвили // Хетагуров К.Л. Сборник избранных произведений. Сталинир, 1939.
3. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. И. Бакурадзе // Сабчота Осети. 1939. 22 мая.
4. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Пер. Х. Вардошвили // Мнатоби. 1957. №3. С. 73.
5. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. М. Нижарадзе // Антология осетинской прозы. Тбилиси, 1975. С. 20.
6. Хетагуров К.Л. Охота за турами/Пер. на груз. яз. Тбилиси: Никадули, 1967.
7. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. Х. Кросс // Ноорус. 1959. №11. С. 16-18.
8. Хетагуров К.Л. Охота за турами // Осетинские рассказы. Предисл. и пер. В. Чередниченко. Харьков-Киев, 1931. С. 19-32.
9. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Джугъутур уу́гъа барыу́/На карач. яз. пер. О. Хубиев. Черкесск, 1962.
10. Къоста. Особа. Этнографичон очерк/Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К.Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2.
11. Хетагуров К.Л. Особа/Пер. на осет. яз. Н. Доева // Хетагуров К.Л. Собр. соч. В 3-х т. Орджоникидзе, 1956. С. 199-252.
12. Джыккайтты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956). Дзæуджыхъæу, 2003.

13. Хæххон цард (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Амырханы тæлмац // Кермен. 1920. №44-46.
14. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Сборник избранных произведений (1859-1939). Сталинир, 1939.
15. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Пионер. Детский журнал. 1941. №4. Ф. 3-9.
16. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны/Пер. А. Тотиев // Собр. соч. в 3-х т. 1956. Т. 2. Ф. 201-210.
17. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон прозæйы антологи. Дыууæ томæй. 1-аг том. Цхинвал: Ирыстон, 1969. Ф. 120-127.
18. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Солнце золотое. Антология детской литературы. Орджоникидзе, 1973. Т. 1. Ф. 142-151.
19. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 5-æм къласæн. Сарæзта йæ Зæнджиаты Розæ. Дзæуджыхъæу, 1972. Ф. 92-99.
20. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 6-æм къласæн. Сарæзтой йæ Зæнджиаты Розæ æмæ Дзасохты Фатимæ. Дзæуджыхъæу, 1995. Ф. 61-69.
21. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003.
22. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. Ф. 58-65.
23. Хугаев И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. С. 301-459.
24. Дзуцева Н. А. Поэзия К.Л. Хетагурова в контексте русской поэзии 80-90-х годов XIX – начала XX века. СПб., 2006.
25. Гутиев К. Комментарии // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 283-299.
26. Хетагуров К.Л. Охота за турами // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 215-227.
27. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л., 1973. Т. 2.
28. Глаттаты А. Ирон литературæ ахуыр кæныны методикæ V-VIII кълæсты. Ахуыргæнагæн æххуысы чиныг. Дзæуджыхъæу, 1991.